

10 июля 1984

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

СТРАНИЦЫ НОВЫХ КНИГ

Елена Гоголева:

НА СЦЕНЕ И В ЖИЗНИ

Народная артистка СССР Елена Николаевна Гоголева написала книгу воспоминаний «На сцене и в жизни», которая готовится к выпуску в издательстве «Искусство». Мы публикуем страницы книги, рассказывающие о профессиях Малого театра.

ХОЧУ рассказать о тех мастерах, которые были «коренными» артистами, всю жизнь работавшими в Малом театре. Е. Д. Турчанинова обладала огромным природным умом. Дочь билетера, она благодаря своей настойчивости стала одной из самых образованных актрис Малого театра. У нее был широкий круг интересов. Она бывала на премьерах во всех театрах, на всех значительных спектаклях и концертах. Конечно, эта ее культура и разносторонность сказывались самым благотворным образом на ее искусстве.

Турчанинова постоянно играла одни и те же роли с В. Н. Рыжовой. У Рыжовой была знатная родня в Малом театре, она потомок Музилей-Бороздинных. Рыжова — яркая комедийная актриса — часто имела более громкий зрительский успех. Но Турчанинова была бесспорно глубже, ее игра шла от сердца, от души.

Любопытен и еще один штрих их творческой характеристики. Варвара Николаевна, патриотка Малого театра, не ходила даже во МХАТ. Евдокия Дмитриевна — мудрая ученица Ленского — испытывала живой интерес к системе Станиславского и хотела применять ее в своей работе.

Нужно отметить также отношение Турчаниновой к молодежи, которое было необыкновенным. Зорко и внимательно присматривалась она к молодежи. И всегда с готовностью помогала им — материально, морально.

Она ходила смотреть молодых исполнителей по многу раз, прямо и нелицеприятно, внимательно и умно разбирая и оценивая их работу. Она прекрасно понимала искусство.

А как мила и остроумна она была, когда в свой день рождения, 14 марта, собирала у себя людей, какое веселье царило в доме, какое собрание талантов, как прекрасно угощали!

Турчанинова считала себя актрисой театра Островского. В пьесах Островского она была всегда иконописна и внешне очень выразительна. В «Вешних деньгах» играли два состава Чебоксаровых — Яблочкиной и Шатрова с Турчаниновой. Я показывала более аристократическую, породистую Лидию, Шатрова — более комедийную. Я тогда не вполне могла оценить искусство Турчаниновой, но теперь понимаю, что она играла вернее, чем Яблочкина. Чебоксарова Яблочкиной была глухой, Турчаниновой — умной. И это больше отвечало характеристике Островского. Ведь Чебоксарова вполне понимает ничтожество окружающих ее людей, то, что они хвастуны и лгут ужасно.

Арина Галчиха в «Без вины виноватых» в исполнении Турчаниновой не была сумасшедшей. Эта женщина служила богатым барам. И ей надоела, обрывает эта роль. Вот она и произносит заученные слова.

Кручинина словно встряхивала ее, Галчиха старалась, мучительно старалась вспомнить. Вместе с Кручининой искренне пыталась восстановить в памяти то, что было. Здесь возник трагический момент. Основной рисунок роли был подсказан исполнением Ольги Осиповны. Но играла Турчанинова сильно и верно.

Блестяще играла она мать Хитягина в «Питмаляне». Ее привычка считать русской бытовой актрисой. Но она продемонстрировала замечательное проявление в сущности английского национального характера. Была типична ее внешность, манера держаться, весь стиль отношения к жизни.

Запомнилась мне Турчанинова в двух ролях русской классической драматургии. В «Живом трупе» она играла светскую даму — мать Каренина. В этой тонкой и воспитанной даме она показывала нечто человеческое. Каренина полюбила Лизу и сочувствовала ей.

Грандиозна была ее Богаевская в «Варварах» Горького — настоящая дворянка, помещица, но женщина умная и даже мудрая. Я запомнила ее интонацию, когда она говорила с Лидией по поводу Черкуна: «За что ты любишь его, уж очень он какой-то не такой». В этом было не пренебрежение, но интуитивно правильная оценка Черкуна.

Вторая замечательная сцена, когда Богаевская гадала на картах и говорила: «Скоро ты умрешь, старая дура. Тебе уже мало осталось жить». В этой фразе не было ни сентиментальности, ни ужаса. Просто мудрое познание жизни и смерти.

Для меня Турчанинова навсегда остается образцом высокого и мудрого сценического мастерства, образцом прекрасного человека.

МНЕ пришлось соприкоснуться с Провом Михайловичем Садовским при поступлении в Малый театр. Но до этого я знала и любила его как актера. Его актерская судьба была очень своеобразной. Сын знаменитых родителей, любимцев Москвы, он вызывал разочарование у зрителей, которые сравнивали его (не в его пользу) с Ольгой Осиповной и Михаилом Провычем. Пров Михайлович созрел как художник медленно. И только постепенно превратился в того блестящего актера и режиссера, каким я его застала. Из гадкого утенка вырос прекрасный лебедь.

Впервые я увидела Прова Михайловича во «Флорентийской трагедии» О. Уайльда, где он играл с такими партнерами, как Е. А. Лепковский и В. Н. Пашенная. Это был в полном смысле слова романтический красавец — внешне необычайно эффектный, пластичный, красивый.

Совсем иной образ создавал он, играя Мелузова в «Талантах и поклонниках», где сменил своего отца, Михаила Провыча, прославившегося в этой роли. Меня поразила огромный творческий диапазон Прова Михайловича. И никакой позы, все очень просто. Сутулый, с бородкой и усами, вежливо причесанный студент демократического склада, очень далекий от тех, кого называли белопокладочниками.

Через несколько лет в Малом театре решили возобновить «Воеводу» Островского. Пров Михайлович играл Дубровина, для которого нашел совершенно новые краски. Это был русский человек, подлинный народный вожак. Несмотря на то, что роль написана стихами и окрашена яркой романтикой, в нем была внутренняя углубленность. Великолепно звучал красивый баритон Садовского. В этом спектакле я впервые по-настоящему поняла, каким необыкновенным партнером был Пров Михайлович. Он никогда не срывал чужой реплики, никогда не ставил партнера в невыгодное положение.

Казалось бы, Пров Михайлович нашел необходимые краски для изображения «Доброго молодца» в русском стиле. Но он эти краски искусно варьировал, никогда не застывая на достигнутом. В «Снегурочке» которую ставил Пров Михайлович, он играл Мизгиря, героя того же плана, что и Дубровин. Мизгирь в его исполнении был внешне красив, мужествен и обаятелен. В такого нельзя не влюбиться. Но Мизгирь отнюдь не являлся повторением Дубровина.

Пров Михайлович Садовский сознательно рассматривал себя как интерпретатора литературного произведения, как человека, который должен донести до зрителя мысль автора.

Прекрасно играл он роль Брута в спектакле «Юлий Цезарь», в целом неудачном. Можно сказать, что исполнение Садовского стало чуть ли не единственным достижением спектакля. Чрезвычайно помог Садовскому в этой роли наш знаменитый пример Н. М. Сорокин — большой мастер своего дела. Замечательна была внешность Садовского. Ни одного изящного жеста, никакой красивой позы. У Садовского — Брута было сильное и открытое, мощное и мужиковатое лицо. В этом Бруте все устойчиво, твердо, фундаментально, но и топорно. Он человек целеустремленный, но узкий и в каком-то смысле односторонний.

Некоторые роли Садовский играл так, что, казалось, нельзя играть по-другому. Таков был его Глузов в «На всякого мудреца довольно простоты». Я смотрела каждый спектакль. Этот Глузов был обаятелен и наделен острым умом. Но все чувствовала, что он поддел, хотя и умный поддел. Глузов отвечал характеристике Островского.

Садовский создал несколько интересных образов в пьесах советских авторов. Еще в 1921 году он сыграл Карла I в пьесе Луначарского «Оливер Кромвель». В спектакле у него только одна сцена — разговор с Кромвелем. Садовский изобразил барственного, капризного, грациозного и изящного короля. Красивое открытое лицо с длинными волосами, длинные холеные руки, специально приспособленные для игры в бильярд. Но когда приходил Кромвель и начинался их разговор — а это был разговор о голове короля, — раскрывались иные, новые грани характера Карла. В нем появлялась царственность, величие. Он трезво опонировал Кромвелю и убедительно защищал себя.

В роли Кошкина в «Любови Яровой» Садовский, может быть, не до конца нащупал демократическую сущность этого революционного матроса. Но его Кошкин был прамодернее, по-мужски был. Как матрос он выше солдат. В нем было нечто от героев «Броненосца «Полемкин» Эйзенштейна.

Придя в Малый театр, я довольно быстро стала партнершей Садовского. Так, мне пришлось играть с ним Софью в «Горе от ума». В театре было в то время три Чацких — М. Ф. Ленин, А. А. Остужев и П. М. Садовский. Наименее интересным мне казался М. Ф. Ленин. Он производил впечатление немолодого человека, был суховат и груб. Я думаю, что он с большим успехом мог сыграть Скалозуба.

Остужев был любовник до мозга костей. Пылкий, громкий, восторженный. Социальная, историческая подоплека не вылилась в его исполнение. Измена Софьи, ее любовь к Молчалину разбили его сердце. И он хотел стремглав бежать от этой любви, от этого «милана терзаний». При всей яркости и лирической пламенности такого исполнения многие существенные черты Чацкого, конечно, уходили из созданного Остужевым образа.

Наиболее удачным Чацким казался мне Садовский. Как и Остужев, он обладал прекрасной внешностью, обаянием. Была в нем и оскорбленность чувства, но прежде всего это был умный Чацкий. Он жил общественными, политическими проблемами, и его обаяние являлось обаянием острой, социальной мысли.

Пров Михайлович не гнался за ролями. Про него не без основания говорили, что он лентяй, гуляка праздный. Некоторые роли он так и не довел до совершенства.

Но Садовский был большим театральным деятелем и патриотом Малого театра. В конце своей жизни он развернулся не только как большой и умный актер, но и как режиссер. Его нравственная стойкость и порядочность вполне проявились в острый и критический для Малого театра момент...

НАКОНЕЦ последний, о ком я хочу рассказать, — Александр Алексеевич Остужев, один из самых блистательных и обаятельных актеров Малого театра.

Его биография была мне знакома, но вот почему он два сезона играл у Корша, мне стало известно только потом. Была ссора, и темпераментный молодой Остужев дал пощечину сопернику. Дирекция императорских театров потребовала удаления Остужева из труппы, а потом Южин вымолил ему помилования. И Остужев вновь возвратился в Малый. У Корша он так сыграл Алексея в «Детях Ванюшина», что это стало событием театральной Москвы. Я не видела его Ромео, но говорила, что такого Ромео никогда не было, нет и не будет. Остужев так умел любить на сцене, был таким искренним и пылким, что слава о нем как о необыкновенном актере на амбула любовников гремела в театральном мире.

Однажды по абонементу мы с мамой смотрели «Старый закал» Сумбатова в Малом театре. И вот открылся занавес. На сцене ночь, сад внутри крепости, где-то на юге в маленьком пограничном гарнизоне. На сцену вышли двое. Офицеры. Один совсем молодой, стройный, другой постарше. И раздался голос молодого офицера. Тшина в зале стояла удивительная. Голос, необыкновенный голос, звучный, чистый, ясный. За сценой жена полковника Олтина играла noktюрн Шопена. И голос молодого офицера, его мятушая душа, глубокое отчаяние от

невозможности вырваться из этой глуши, где гибнут ум, душа, а потом безудержные страстные рыдания — все это потрясло не только меня. Звучи Шопена и такой же полный неслыханной красоты и муки голос, сумевший покорить, захватить, действительно потрясавший весь зал. Голос этот принадлежал Остужеву. Совсем небольшая сценка, но как он ее играл! Это было нечто необъяснимо прекрасное, что мог сделать только подлинный художник, подлинный талант, хватающий за сердце и переворачивающий душу.

С тех пор Остужев стал моим кумиром. Я была не из тех поклонниц, которые ждут своего обожаемого у выхода после спектакля, требуя автограф и осыпая цветами. Нет, я поклонялась молча, даже не мечтая увидеть его в жизни. Но его его фотографии во всех ролях старалась приобрести у «Сахарова и Орлова». Была такая фотография или, как теперь бы сказали, фототелье. Помещалась она на углу нынешней улицы Пушкина и проезда МХАТа, а потом переехала на Кузнецкий мост. Оба компаньона фотографировали только артистов. Они были хорошие фотографы и истинные театралы. Музей театров многим обязаным им. Они запечатлели на века уникальные постановки и уникальных актеров МХАТа, Малого и Большого театров. Висший в нашем музее мой портрет в роли Софьи в «Горе от ума» — тоже работа Сахарова и Орлова.

Вспоминается мне и то, как играл Остужев в пьесе Н. Григорьевой-Истоминной «Сестры Кедоровы». Замечательный был спектакль. Для меня, конечно, на первом месте был в нем Остужев. Роль вообще выпала на него, но очарование в обаяние Остужева, его голос и темперамент преодолевали слабость роли и завораживали всех.

Не могу забыть Остужева в пьесе Сумбатова «Измена». Он, как всегда, играл Эркле темпераментно, порывисто, обаятельно. Когда я впоследствии играла Рукайко, у меня был другой партнер, совсем не похожий на остужевского Эркле. Ну, что делать, так случилось.

Как я уже говорила, Чацкий — Остужев был любовник и прежде всего безумно любил Софью. Может быть, потому моя Софья и бросалась за ним, когда он уходил навсегда. Уж очень было обидно. Мой обожаемый Остужев — Чацкий любил меня, а я — Софья! Надо же так! Но зато в «Уриэле» я отдавала ему всю любовь, таившуюся во мне все эти годы до самой его смерти.

Тяжела, мучительна судьба этого замечательного актера. Ему не дали сыграть Гамлета, после нескольких репетиций «Кроля Лира» нашли предлог не поставить эту пьесу, очередной спектакль «Уриэля», воспользовавшись его временной простудой, простой простудой, не отменили, и его роль сыграл другой, в точности, как в зеркале, повторил рисунок Остужева. Сыграл точно, да не так, как Остужев. Можно скопировать голос, жесты, даже интонацию, но внутреннюю сущность таланта — нет, этого сделать нельзя никогда. Так нанесла ему последний удар. Подумайте, Остужев — заменили в себе!

Больше Остужев не играл. Слишком глубоко была рана. Он приходил в театр, просил сделать ему радиоуслуги, чтобы слышать все, что говорилось на собраниях, которые он обязательно посещал. Не участвуя в спектаклях, он все время жил жизнью театра.

Помню, в 1952 году в театре шла «Северные зори» Н. Никитина. У меня там была маленькая восьмиминутная, но очень хорошая сцена. Я играла жану инспектора училища небольшого городка Шенкурска — Абрамоду. Ушла я с генеральной подоплуды. Потом я часто исполняла эту сценку и в обычных концертах, и в воиных частях. Она всегда имела успех, я очень ее любила, хотя эти восемь минут стоили мне большого напряжения и нервов. И вот на другой день после премьеры я зашла в местный комитет театра. Вдруг в дверях появляется Остужев. Подойдя к моему столу, он смущенно протягивает мне розы. Это было совершенно неожиданно, все кругом замолчало. А я так растерялась, что не знала, что сказать, стояла с розами и чуть не плакала. Видя мое состояние, Остужев стал делать успокаивающие жесты и пятиться к двери. Опомившись, я кинулась к нему. Он уже ничего тогда не слышал. Я стала бормотать какие-то благодарственные слова. И вдруг своим чудным, неповторимым голосом Остужев произнес: «Это было прекрасное!». И, вырвавшись из моих объятий, поспешно ушел. Цветы от него и его похвала — как дожди они были для меня, как незабываемы...